

Максим Осовский: Сегодня у нас в гостях, Александр Евгеньевич Левинтов, с сообщением, в нашем СМД-баре, по теме: «Критика». Пожалуйста.

Александр Левинтов: Всем добрый день. Темой «Критика», я с подачи Максима Осовского заинтересовался, по той простой причине, что хотел бы понять, чем я сам занимаюсь, и главное, что в том, чем я занимаюсь, есть неправильно, с вашей помощью, одному — это сделать тяжело, потому что человек лукав и хитер. Ваша критика позволит мне, я надеюсь, докопаться до того, что есть критика. Вот примерный круг вопросов, который я бы хотел обсудить. Есть ли тут какие-нибудь возражения, дополнения, опровержения.

Максим Осовский: Мы обычно ничего не спрашиваем, не дополняем. Обычно у нас доклад 20 минут, потом суждение, вопросы, а потом вы реагируете.

Александр Левинтов: Я как-то больше привык к тому, что меня прерывают, спрашивают в нужное время, в нужном месте.

Максим Осовский: Ну, давайте попробуем так. Игорь Злотников поднял руку. Спрашивайте.

Игорь Злотников: Организационно, я наконец-то вижу стандарт методологического семинара, когда действительно, с самого начала дается возможность выступления и участия. И я это только приветствую. Александр Евгеньевич, я бы добавил в этот перечень очень для меня близкий момент, который звучит следующим образом: критичность мышления, как вторичное свойство умственного действия по Петру Яковлевичу Гальперину. Эту тему я очень хорошо знаю, даже диплом писал, и я думаю, что она сюда бы встала как отдельная тема, потому что критичность исследована в школе Гальперина, и есть, на мой взгляд, достаточно интересный результат.

Александр Левинтов: Игорь, где бы ты в этом перечне хотел бы встрять?

Игорь Злотников: «Критика в ММК», после этой темы.

Александр Левинтов: Отлично. Давайте предоставим Игорю Злотникову возможность вклиниться, потому что то, что он назвал, мне недоступно. Я бы хотел знать его мнение.

Игорь Злотников: Да понимаю, потому что это достаточно узкая тема, но она, на мой взгляд, достаточно интересна.

Александр Левинтов: Да, она вписывается вполне.

Игорь Злотников: Пока все.

Александр Левинтов: Ок.

Изначально греческое *krinein* (латинизированное – *krisis*) означало перелом хода болезни в ту или иную, в лучшую или худшую сторону, к выздоровлению или смерти (так понимали кризис, в частности, Гиппократ и Гален). Позже, со свойственной грекам любовью к метафорам и перемещениям смыслов, кризисом стали называть «жизненно важное или решающее положение вещей, точка, в которой должно произойти изменение, к лучшему или худшему» (Английский этимологический словарь онлайн).

Корень *krei-*, общий и для «кризиса», и для «критики», означает, собственно, просеивание (различение, отличие).

Греческое *kritikos* характеризовало человека, способного выносить суждения. Английское слово *critic* исторически всегда имело подтекст: «цензор, искатель ошибок, тот, кто судит строго» (там же).

Противоположным значением было (и остается) «критика – это исследование того, для чего хороша работа» (Джордж Сантаяна "Жизнь разума", 1906 г.), это гораздо более для меня приемлемое, определение критики, «критика» — это исследование того, для чего хороша работа, но чисто позитивный, позитивистский подход, и как-то он мне показался симпатичным.

На этом, я бы первый тезис кончил. Есть ли тут какие суждения или добавления?

Следующий тезис «Критика в исполнении Иммануила Канта».

Эпиграфом ко всему творчеству И. Канта можно считать его же вопль: «Но я не о том!».

Иммануил Кант уж точно не был ни прокурором, ни просеивателем, ни цензором – это была совершенно синтетическая личность: он не по совместительству, а в силу синтетичности своего мышления был

одновременно и философом, и астрономом, и географом (землеведение), и физиком, при этом за свои 79 лет жизни (1724-1804) никуда не выезжал из Кенигсберга – под ним менялись государства: Пруссия, Россия, вновь Пруссия. Он собой предварил Александра фон Гумбольдта, великого путешественника и автора «Космоса», по которому и по пародиям на который до сих пор учат географов всего мира.

Для Канта весь мир – от Космоса до человека – онтологически един: «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне»

Недаром В.А. Лефевр в «Космическом субъекте» выражает нравственный императив Канта и второе правило термодинамики одной формулой и утверждает, что с математической точки зрения это – единый вселенский закон.

В чем же заключалась критика И. Канта?

Он обсуждал фактически только одно – суждение. Не как осуждение или обсуждение, или рассуждение – как право человека судить Космос, то есть не искать ему оправдание или приговор, а искать в нём справедливости, никогда не становясь ни на одну из сторон баррикады, которой – нет.

Свою программу суждений он выразил в письме к К.Ф. Штойдлину (4 мая 1793 года, в возрасте 46 лет, мальчишеском для себя как философа):

- что я могу знать (метафизические пределы познания)
- что я должен делать (и не делать – нравственные пределы поведения и мышления)
- на что я смею надеяться (пределы веры)
- что такое человек (антропология как оправдание нашего существования).

Программными являются три критические работы И.Канта:

«[Критика чистого разума](#)» (1781) — [гносеология](#) ([эпистемология](#))

«[Критика практического разума](#)» (1788) — [этика](#)

[«Критика способности суждения» \(1790\) — эстетика](#)

Максим Осовский: Александр Евгеньевич, вы можете прямо обратиться к кому-нибудь, например, к Мараче и сказать: «Слава, что ты думаешь по этому поводу?»

Александр Левинтов: Слава, что ты думаешь по этому поводу?

Максим Осовский: Профессионализм лектора, как раз, показать на того, кто слушает, и вызвать его на диалог.

Вячеслав Марача: Александр Евгеньевич, я вот над чем размышляю в связи с тезисом Сантаяны, который вы процитировали и обозначили Сантаяну как позитивиста. Как известно, «Критика чистого разума» Канта, в значительной степени была критикой естественно научного мышления, а позитивизм был, в определенном смысле, ну, во всяком случае, во времена Сантаяны, реакцией на неокантианство, вот, как бы этот сюжет столкновения кантианства и неокантианства с позитивизмом, он достаточно интересен. И в частности, в науках, которыми я занимался по своему первому образованию в области теоретической физики, там он вылился в то, что критика определяет границы применимости теории. Ну и, в общем-то, это как бы, в точном смысле, в соответствии с тезисом Сантаяны, исследование того, для чего хороша работа. Ну, вот такая ремарка, в этом смысле и «Критика чистого разума» выясняла, для чего этот чистый разум хорош, а с другой стороны, где его предел, куда ему не стоит идти.

Александр Левинтов: Слава, спасибо за связь Сантаяны с «Критикой чистого разума». Ты знаешь, это не только в физике, вот и в географии, к сожалению, ни критики чистого разума, ни критики в духе Сантаяны нет. Строятся теории, применение которых даже представить себе невозможно, делается это просто из игры воображения и ума, а на хрена это, авторы этих теорий не задумываются. В этом смысле, Сантаяна абсолютно прав. Спасибо тебе за это замечание.

Инна Камышева: Можно вопрос? Я надеюсь, очень короткий.

Александр Левинтов: Да.

Инна Камышева: По поводу того, что восклицание Канта, что его не понимают, но я не о том. У меня такой вопрос, о связи критики и понимания. Означает ли, на ваш взгляд, итоговые (как итог, условно, процесса критики), связи, точки, позиции, в которой находится критикующий и явление или проблемы, например, если человек или исследовательская группа стоит на позитивистской точке зрения, на позитивистской позиции, а критик обращает внимание на явление, которое критикуют из какой-то другой позиции, означает ли это, что это заведомо будет ситуация непонимания, и вот, «я не о том!», будет воспроизводиться? То есть, насколько связаны с позиции критикующего, с критикуемым текстом, явлением, точки зрения связи по критике и понимания?

Александр Левинтов: Знаете, всегда боялся коротких вопросов.

Инна Камышева: Простите, если это нужно, я готова снять вопрос, потому что, я понимаю, что сложность вопроса может превышать объем ответа из двух слов и так далее.

Александр Левинтов: Во-первых, отчасти я хотел бы вам ответить не сейчас, а когда пойдёт речь дальше. Здесь я попробую вам ответить, но не полностью: по крайней мере, моя позиция в этом отношении двоякая. С одной стороны, я такой слабый автор, и всегда кричу за Кантом «но я не о том!». Пишешь статью по географии, а тебя критикуют с библейской точки зрения. В Библии не так, или в Торе. Это – с одной стороны. А с другой стороны, я сам люблю эти эпатажи, я считаю, что любой необычный взгляд, он не убивает понимание, а наоборот, его индуцирует. Вообще, я считаю, что хорошая теория, она всегда должна вызывать онтологический шок именно у тех, кто профессионально или интеллектуально ближе к ней. Вот есть такой географ Владимир Каганский, я этот тезис на его защите высказал. Его ругали за необычность его языка, его способа мышления, его видения мира. Я сказал: «Но ведь он же теоретик, а теоретик должен вызывать онтологический, не логический, а именно онтологический шок». И в этом смысле Кант, конечно же, вызывал у окружающих его ученых, и географов, и астрономов, и физиков, онтологический шок и неприятие. Я надеюсь, хоть немножечко ответил.

Инна Камышева: Немножко, конечно да.

Александр Левинтов: Отлично, спасибо большое. Давайте отправимся дальше.

Те, которые хаяли Канта или лезли в его ученики – остались за бортом истории, лишь Фихте удержался странным образом: от Фихте Кант отрецивался с академической брезгливостью, но именно неофихтеанством как-то назвал нашу методологию один из её столпов Юрий Вячеславович Громько. Я с ним солидарен. Глупейший философ и глупейшее учение Фихте «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. Попытка принудить читателей к пониманию» – образец для подражания игротехникам как стойким оловянными солдатикам, особенно в исполнении Школы Культурной Политики 80-90-х годов. Но и среди методологов часто мелькали фихтеанцы, излагавшие воззрения и учение ГП Щедровицкого на уровне его баек – и не далее того.

Почему тексты Фихте для многих, особенно тех, кто привык к строгому дискурсу, невыносимы?

Сначала Иоганн Готлиб делает неочевидное онтологическое предположение, более смахивающее на онтологическое фундаментальное допущение, а затем разворачивает логику рассуждений, никак не связанных с этой онтологемой, рассуждений, в ходе которых не Читатель, а читатель всё время находится в мучительном недоумении: ну и что?

Простой читатель это делает запросто.

Но тут мы сталкиваемся с весьма интересным аспектом проблемы реальности и действительности (Фихте вводит понятие двойной действительности, одну из которых, ту, что и есть действительность, называя реальной действительностью).

В течение дня человек среднестатистической активности наблюдает и участвует примерно в трёх миллионах событий, от мельчайших (ползущая по стеклу муха, так раздражавшая на суде Нехлюдова) до судьбоносных. Сознание человека селективно удерживает во внимании не более трёх тысяч таких событий, которые можно назвать актами, то есть 0.1% происходящего вовне и внутри себя. Из этих 3000 актов или случаев он фиксирует в памяти

около 30 (это легко проверяется при написании дневников, Pillow books), то есть 1% от 0.1% бывшего.

Это есть процесс существования, то есть выделения из потока бытия существенного, а 99.999% – несущественное бытие, в котором мы и живём, и бываем, но не существуем.

Согласно Гегелю, это сущее мы выделяем из потока бытия за счёт рефлексии и с помощью имеющихся у нас понятий (к которым у Фихте самое пренебрежительное отношение как к словесным конструкциям, не более того).

Современные методологи также часто цепляются – то за провалы бытия, то неочевидные и неординарные, а потому эпатирующие, ошеломляющие онтологические предположения. связывая то и другое когда байками, когда безапелляционным «ну, это, понятно», а чаще – переводя в жанр будущего: проектного, нормативного, конструируемого, где – другая логика, другие ценности, другие, не бытийствующие и несуществующие миры.

Однажды ГП Щедровицкий охарактеризовал фашизм как попытку решения сложных проблем простыми средствами. Это – блестящая идея, кажущаяся верной до очевидности.

Все рассуждения Фихте о науке, наукознании, сознании и мышлении строятся исключительно на геометрии, а из геометрии взята весьма примитивная теорема о длине стороны треугольника по двум другим и углу между ними. И это всё – множество раз и на протяжении ста страниц. А всё, что выходит за рамки пресловутого треугольника, – жалкая «психология». Помимо того, что этот геометрический пример неубедителен при обсуждении природы сознания и действительности, в конце концов возникает твёрдая уверенность, что из науки и геометрии философ ничего более и не знает. Создаётся впечатление, что именно этот несчастный треугольник, разжёванный и пережёванный, и вызывал судорогу скуки и брезгливости у абсолютного большинства коллег Фихте, особенно у тех, кто был профессионалом не только в философии, например у Канта, профессора географии Кёнигсбергского университета.

Среди современных отечественных методологов немногие достигли заметных научных и профессиональных результатов, ещё меньше –

удержались в своей профессии. Смену профессий можно, в целом, приветствовать, но – смену, а не потерю. В современном методологическом сообществе по массе преобладают депрофессионалы, возможно, и много знающие или слышавшие, но ведь профессионализм определяется не только знаниями: важно вхождение в профессиональное сообщество, признание за своего.

Если Фихте добровольно вступил в интеллектуальный фашизм, то многие методологи вынуждены пребывать в нём, так как своего профессионального сообщества не создали: некогда, надо было бороться с чужим профессионализмом.

Одним из проявлений интеллектуального фашизма являются байки: жанр весьма распространённый в методологии и у Фихте, напоминающий притчи и даже выполняющий функции притчи, но не притчи. Байки эти рассказываются и пересказываются от поколения к поколению методологов, тиражируются и, естественно, искажаются при пересказываниях, порой до нелепостей.

Основное отличие баек от притчей заключается в том, что притча (parable) не несёт в себе прямого содержания, она – параллельна обсуждаемому содержанию, а потому многозначна и может иметь бесконечное число интерпретаций, как, например, притчи Христа. Байка исчерпывает а потому может подменять его: рассказал байку – и тем всё объяснил. Над байкой нечего думать: понял, посмеялся вместе со всеми и «усвоил» некоторый материал.

Многие методологи так и живут байками, паразитируют на них, только их и рассказывают, и даже не замечают, что эти байки – вовсе не доказательство, а просто иллюстрация для бедных умом.

Одну и ту же байку пережевывает и Фихте, бесконечно, в течение двух уроков, обсуждая диалог двух приятелей на улице: демонстрируя карманные часы, демонстрирует ли один из них другому время?

Особо следует отметить, что само понятие «критика» в методологии не обсуждалось, разве что за исключением филологических герменевтов Г.И. Богина (Тверской госуниверситет) и В.П. Литвинова (Пятигорский ин-яз).

При этом всё методологическое движение было пронизано и пропитано критикой всего и вся: науки, философии, образования, советской власти, истории, системы планирования, западного образа жизни и, разумеется, друг друга.

Собственно, вот, все содержание этого тезиса. Есть ли тут вопросы?

Вячеслав Марача: Можно мне встрять, Александр Евгеньевич?

Александр Левинтов: Можно Слава, нужно.

Вячеслав Марача: Значит, в связи с критикой в ММК, слушая вас, и обдумывая то оглавление, которое вы предъявили в самом начале, я думаю о двух сюжетах, которые туда не попали, во всяком случае в явном виде, это критика и рефлексия. И второй сюжет, критика и развитие, с учетом того, что, в самом начале говоря о неких истоках понятия критики, вы ее связали с некоторым циклом изменений, говоря о слове «кризис», в античном понимании. И вроде как ММК отправлялся от понимания, сложившегося в немецкой классической философии, что значит, как бы, основным механизмом изменений является рефлексия, ну а для ММК среди множества разных изменений наиболее интересными были изменения, которые попадали под категорию развития. Я, когда в самом начале не стал об этом говорить, в надежде, что, дойдя до раздела про критику ММК, вы это как-то отметите.

Александр Левинтов: Спасибо большое, Слава. Я на первое замечание готов отвечать сразу, а второе попрошу повторить после моего ответа. Я напомним, что если физически критика есть некоторым образом просеивание, то просеиваем мы, если верить Гегелю, с помощью понятий и рефлексии, без рефлексии ты просеивать не можешь. Но вопрос, тобою заданный, очень важный, очень интересный. Критика и рефлексия, это действительно очень интересная проблема, требующая специального рассмотрения. Спасибо за подсказку, я попробую, по крайней мере, для себя ответить на него, равномасштабно. Это первый, а второй вопрос, пожалуйста, напомним мне его.

Вячеслав Марача: Критика и развитие.

Александр Левинтов: Ну, если мы вспомним «шаг развития», то критика заключается, она заключена в анализе ситуации и сит.анализе, при этом, для меня очень важно, что и анализ ситуации, и сит.анализ, есть средства перфекционизации прошлого. Мы выделяем из потока прошлого перфектную составляющую и отделяем, отсеиваем имперфектную часть, и эта перфектная часть ложится как правило в обоснование шага развития, как средство развития. В этом смысле, конечно же, критика необходимый шаг, необходимый этап в развитии и заключается он в перфекционизации прошлого. Максим, ваш вопрос.

Максим Осовский: Максим, Инна, потом Алексей Боровских.

Максим Отставнов: У меня придирка, но она мне кажется важной. Я хотел придаться к моменту с подсчетом событий и их отсеиванием. С чего, собственно, по тексту были названы события бытийными? Что это за онтология такая? Раз. И второй вопрос. А собственно, как считать события? Почему муха, проползшая под стеклом, считать одним событием, а не, допустим, не считать событием каждое движение её лапок? Я к тому, что восприятие, интроспекцию можно упражнениями утончить до того, что вот этих событий сколько надо, столько и насчитаешь. Почему их считать бытийными? Я-то все время, возражаю уже не первый раз, против втягивания, такого бездумного втягивания, мне кажется, извините, втягивание проблематики восприятия в проблематику интеллекта или мыследеятельности.

Александр Левинтов: Я попробую вкратце вам ответить. Для меня события, это наше соучастие в бытие, если мы видим муху, то мы с ней событийствуем, а если мы ее не видим, она, например, ползет за нашей спиной, то для нас это не событие. Вот и все. Я в этом смысле бытию не придаю какого-то существенного значения, как таковому бытию. Мало ли что тут вокруг нас происходит.

Максим Отставнов: Ну, а видим то, куда обернулись, на какую муху обернулись, или в какой микроскоп посмотрели, можно наблюдать. Тут теряется деятельностный контекст, кстати, о Фихте.

Александр Левинтов: Как-то надо отделить бытие от существования, если понимать в корне слова «существование» истинность, то мы в бытие, в отличие, например, от других animals, мы в бытие всегда пытаемся найти нечто сущее, нечто истинное. И если для нас ползание мухи, может представлять собой некоторую истинность, как это сделал, например, Бродский, в своих стихах о той же самой мухе, то для него это событие стало уже существенным событием, занявшим, по-моему, чуть не три страницы прекрасного текста. Я не знаю, насколько я вам ответил, но все, что смог, ответил. Там были еще две руки.

Максим Осовский: Инна Камышева и Алексей.

Инна Камышева: Спасибо. Вот говорилось про рефлексю, я все-таки, может быть еще раз, практически повторяю тот же вопрос, немножко с другой точки зрения. В какой позиции находится критикующий, по отношению к явлению или к тексту, который он критикует. И, насколько я поняла, если критикующий, критика является результатом рефлексии, то есть, следует после рефлексии, если я правильно понимаю, то у меня выпадает эта связка, рефлексия и понимание. То есть, критикующий, он из фиксированной уже, зафиксированной своей позиции ранее, до того, как началось отношение к тексту, выступает? Или он, все-таки, проделывает некую работу, в результате которой, появляется рефлексия и новое понимание, и уже из этой позиции выступает критиком по отношению к тексту.

Александр Левинтов: Инна, я попробую вам ответить, как бы это сделал Георгий Исаевич Богин, потому что мне эта его идея очень нравится. Он всегда говорил, что понимание и рефлексия не совместимы: пока ты понимаешь, тебе рефлексия не нужна. Рефлексия возникает там, где ты не понимаешь. Отсюда мой тезис, который я на лекциях часто повторяю, но это почти цитата из Богина: читая или слушая текст, фиксируйте свое внимание на не понимаемом, постольку поскольку, единственным ресурсом понимания, является непонимание. И когда вы фиксируете только «ага, понял» – вы ни черта не поймете, надо – «О, не понял» и тут включается рефлексия, почему я не понял, что я не понял, и так далее. Мы начинаем работать с собственным пониманием в рефлексивном режиме, только когда останавливаем свое понимание, либо оно само останавливается от эффекта «ага, не понял». Вот в этом, мне кажется, связь рефлексии и понимания. И критик действует, по-моему, точно так же, только у него еще есть позиция просеивателя. Вот он

сидит с этим ситом своего мышления и просеивает, что ему говорят, или что он считает, понял - не понял, включается рефлексия, и у него еще есть, как у просеивателя, всегда есть задача, что в остатке останется полезного.

Инна Камышева: И в этом смысле, рефлексия, ну, которая следует после вот этого «Не понял», она есть результат акта мыследеятельности или никак не связано вообще, в принципе? Я про связь, потому что, вроде как получается, я не поняла, у меня получается рефлексия, она никак не относится к тем, что меня связывает с мыслью из текста.

Александр Левинтов: Тут есть одна сложность понимания и мышления, это все-таки разные интеллекции и поэтому такого прямого ответа я точно не дам, я не уверен в том, что многие вам его дадут. Это разные интеллекции.

Инна Камышева: Спасибо.

Владимир Алейник: Если позволите, то я бы попытался задать вопрос Александр Евгеньевич.

Владимир Алейник: Я зафиксировал, что вы утверждали, что критика особо не определялась в ММК или Георгием Петровичем, кроме двух людей, которые собственно с ней работали: Богина и Литвинова, но поместили критику в рамку схемы шага развития, и в рамку сит. анализа и анализа ситуации. Вот, я посмотрел у себя в архиве, если позволите. Максим, можешь мне разрешить экран выдать? Я хочу одну схему показать Георгия Петровича, чтобы задать вопрос.

Максим Осовский: Да.

Владимир Алейник: Сейчас, тогда я попробую. Виден экран или нет?

Максим Осовский: Ну, должно время какое-то пройти, пока нет.

Владимир Алейник: Короче, ладно. Я в двух словах скажу. Дело в том, что в свое время, я находил схему «Пространство мыслительной работы» из доклада Георгия Петровича на комиссии по психологии мышления и логики, это двадцать седьмое апреля девятнадцатого года. На этой схеме

Александр Левинтов: Девятнадцатого года? Он в двадцать девятом родился.

Владимир Алейник: Простите, я оговорился, семьдесят девятого года. Там, такой квадрат, пространство методологической работы, а сверху есть плоскость, она очерчена нормами, в методологии, но формальные технологические единицы, и в этом пространстве есть такая как бы табличка из двух частей, слева организованности, а справа типы мышления, мыслительные имитации программирования, немного логика сбита, потому что справа тоже есть организованность исследования, модели объектов, системы теории, проектирования, конструирования, а следующий уровень, это критика и схематизация, а организованности, которые сопоставляются критике и схематизации, это схема смысла. Ну и последний тип мышления — это онтологическая работа, есть вставляется онтологическая картина, а ниже идет уровень практик, ну и там неких организованностей практик. Скажите пожалуйста, просто пока вы не убежали дальше в анализ критического мышления, не ушли так сказать от ММК. Вы можете, я просто надеялся, может быть повезет, и вы как-то зададите связь критике и схематизации этих типов мышления, и таких организованностей как схема смыслов. Я понятно спросил?

Александр Левинтов: Да, вполне понятно. Значит, я повторяю свой тезис сначала. Методологи очень много занимались критикой, пожалуй, это был основной вид деятельности методологов. Критика всего вокруг себя, включая самих себя, но понятием критики занимались, как мне кажется, только двое, построением понятия. Это Богин и Литвинов. А теперь я попробую ответить на ваш вопрос. Является ли, есть ли связь между критикой и схематизацией, а вот вижу, да вот я вижу. Вы знаете, пожалуй, очень интересная мысль заключается в том, что критика как высеивание существенно и схематизация это, собственно, одна и та же работа. Вы просеиваете поток речи, начинаете ее схематизировать, выделяя из нее то, что является сущностным, собственно этим же занята и критика.

Максим Осовский: Хорошо, я предлагаю остановиться на этом тезисе и пройти дальше

Александр Левинтов:

Владимир Алейник: Скажите, правильно ли я тогда, так сказать, понял, что пока я пытаюсь смысл выделить какой-то, наверно я много упускаю в том, что вы говорите, но я для себя обозначил две важные точки. Пока. Из того что

два смысла, один важный смысл, это когда вы обсуждали, была метафора, что человек, из того, что происходит вокруг, вот муравьи там бегают, там дождинка упала, он вычленяет проценты от процентов, да? И вот критика, она была как-то связана с этой операцией или процедурой, неизвестно, выделение важного из бытия, да? Фактически, ГП же говорил, что мир существует, но мир дан человеку в мышлении, не благодаря мышлению. В этом смысле, есть некая способность мышления, которое в окружающем бытии. Которая есть, мы считаем, что она есть, оно выделяет нечто, и делает это, как бы, вещи мышления, организованностью мышления, чем-то в мышлении, набор метафор. Это был один важный момент, а второй важный момент, когда вы посмотрели на схему Георгия Петровича, и тут же переместили критику из контекста, как бы, когда из потока, отражаемого выделяется мыслимое, ГП различал отражение, что за пределами схемы знания, и замещение, когда из потока отражаемого, или нет, наверное, я не то, в общем выделяется важное. А второй момент, вы поместили это в контекст коммуникации, а и здесь, хотя у ГП здесь нет коммуникации, и в этом смысле, как бы, ну понятно, потому что у ГП схемы смысла слева, вы точно же поместили это в контекст коммуникации, и сказали, что критика, как раз это набор операций и процедур, вы не сказали, но можно так вас понять, которые позволяют, а - зафиксировать смысл, б - схематизировать смысл, пока взаимоотношения со схематизацией не понятны. Две важных точки, я правильно понял?

Александр Левинтов: Наверное, я вам полновесно ответить не могу. Но, из того, что вы мне сейчас, нам, сказали, для меня очень важно выделить, что есть смысл. Смысл, это тот атом мышления или та мысль, которая является совместной для нас с вами, мысль, если она не связана с другой мыслью, мыслью не является, мысль должна обязательно быть в коммуникации, все осмысленно с другим человеком, и это и есть смысл. Смысл есть совместность наших с вами мыслей. Вот если у нас есть с вами мысли, которые нас с вами роднят и единят, то наша коммуникация осмысленна, если же каждый из нас говорит свое, не воспринимаемое другим, не осмысляемое другим, не присваиваемое другим, то этой не мысли, это некоторые потуги, упражнения, гаммы. И в этом смысле, критика и схематизация являются, действительно, средствами создания смыслов, как совместных мыслей читателя и автора, например.

Владимир Алейник: Я что пытаюсь сделать, я пытаюсь сейчас осуществить процедуру конституирования, как бы явление, то есть не предикаты, а положить как бы сущность критики, а могли бы вы различить тогда критику и схематизацию? Или вы категоризовали критику и схематизацию, как средство или инструменты понимания, да, если я правильно понял. Ну хотя бы различить критику и схематизацию, мне кажется это важно, если это возможно.

Александр Левинтов: Попробую. Разница примерно такая же, как между общением и коммуникацией. Общение – это свободное обращение текстов, коммуникация подчиняется законам логики и другим законам и правилам мышления. В этом смысле, коммуникация строгое средство, и схематизация — это более строгое средство, чем критика.

Владимир Алейник: Спасибо.

Вячеслав Марача: Очень хорошо, что передо мной Володя Олейник выложил эту схему Георгия Петровича. Он мне помог, в каком плане, что я бы хотел эту схему немного покритиковать, поскольку, как мне кажется, в ней не очень различены типы работы, такие как проектирование, конструирование, и технология мышления, к которым мы относим онтологическую работу, схематизацию. И кстати, почему то, тут совсем нет проблематизации, как-то она не упомянута. И говоря о критике, и кстати, реагируя на вопросы Инны Камышевой, о позиции, критика по отношению к критикуемому, мне кажется, что в критике еще очень важно различать две установки критикующего, одна установка может быть той, которую по умолчанию обозначил Александр Евгеньевич. А именно, установка на просеивание с целью выделить нечто существенное и полезное, и в этом случае, действительно, критика потом ведет к схематизации. А другая установка, эта установка на радикальную критику, которая переводит нас в режим проблематизации и усомнения оснований позиции того, кому противостоит критик. Но, режим проблематизации, он не может продолжаться бесконечно, в конце концов, он упрется в основание самого критикующего, то есть, на чём он стоит и от каких онтологических оснований он не может отказаться, и тогда, соответственно, режим проблематизации переходит в онтологическую работу, а затем возвращает нас обратно к схематизации. Я согласен с Александром Евгеньевичем. Критика – это более свободная форма, в рамках которой, мы можем переключать установки и переходить от одной технологии мышления

к другой. То есть, ролик критики, можно сравнить среди технологий мыслительной работы, можно сравнить, наверно, с ролью рефлексии в схеме мыследеятельности. Рефлексия нам позволяет переходить из одного слоя в другой, критика позволяет переходить из одной технологии в другую. И еще один момент, это опять-таки к вопросу Инны Камышевой, о позиции критика. Это в свое время, еще в девяносто первом году, у меня была такая, ранняя работа, где я претендовал на радикальную критику СМД подхода. И там довольно много написано о понятии критики, в этом смысле, не только Литвинов и Богин.

Александр Левинтов: Еще и Марача.

Вячеслав Марача: Да, немножко внес вклад определенный. Там, по отношению к подходу, ну, конкретно имелся в виду СМД подход, но это писалось именно по отношению к подходу вообще. Различалась внутренняя критика, когда мы понимаем установки подхода. И внешняя критика, когда мы эти установки подхода проблематизируем. Это мне тоже представляется важным, с точки зрения того, что я сказал про переключение между технологиями мыслительной работы. Такое дополнение, если позволите.

Александр Левинтов: Спасибо большое, Слава. Как всегда, все правильно, но как всегда слишком много.

Максим Осовский: Коллеги, еще две реплики. Это Алексей Боровских и Игорь Злотников.

Алексей Боровских: Еще раз добрый день. У меня как раз про непонимание, то ли реплика, то ли вопрос. Я может, дурацкий вопрос задаю, и может быть это не совсем уместная позиция, но я начал терять связность в обсуждении критики. Почему? Я обычно стараюсь ясность удерживать через ответ на вопрос, какую проблему решает, в данном случае критика. И в античности, вроде бы, это просто название какого-то феномена, просеивание оно, наверно, предназначено для одного в ММК, что-то совсем другое, связность между ними я как-то потерял. Движение в проблеме, которую решает критика у Канта у МК, у меня как-то теряется. Я не знаю, может я неправильно смотрю на вопрос.

Александр Левинтов: У меня, Алексей Владиславович, есть надежда, что все-таки ответ вы получите – в дальнейшем. Это очень робкая надежда.

Максим Осовский: Игорь.

Игорь Злотников: У меня очень короткая реплика, в этом месте, раз мы обсуждаем методологические подходы к критике я не могу не сказать, что достаточно серьезно проработана критика у Олега Сергеевича Анисимова, в его методе работы с текстами, и критика идет, как некоторый важный этап после рефлексии. И методологически Олег Сергеевич Анисимов считает, что критика после рефлексии позволяет сопоставить норму, которая была реализована, и то, что получилось, а так как всегда не получается по норме, то критика всегда позволяет вот это расхождение с нормой выделить, зафиксировать и задать некоторые моменты развития исходной деятельности. Это чисто как реплика, чтобы было понятно, что критику исследовали разные методологи, с разной степенью ну может быть проработанности. Пока все.

Александр Левинтов: Увы, я с этим не очень согласен, постольку поскольку, у меня критика делается в рефлексивной позиции, а не после рефлексии. Ок, коллеги, я бы предоставил слово Игорю Вольдемаровичу, который заявился на текст, связанный с Гальпериным. Игорь сколько тебе надо для этого времени?

Игорь Злотников: Я уложусь в пять минут.

Александр Левинтов: Отлично.

Максим Осовский: Хорошо.

Игорь Злотников: Значит, это будет другой топик, не в связи с дискуссией, как в методологии обсуждалась критика. И это я возвращаюсь в позицию тех психологов, которые исследуют разные способности. У Петра Яковлевича Гальперина была очень серьезная проработка, так называемых способностей к умственному действию. Он различал первичные свойства умственного действия, это такие формальные показатели, быстрота, точность, свернутость, и так называемые вторичные свойства умственного действия, куда он относил разумность, сознательность и критичность. Мне посчастливилось изучать критичность, как некую способность сформированного умственного действия, которое заключалось, если простым языком говорить, в способности человека различать реальность и действительность, то есть то, что происходит на самом деле, и то, что у меня остается в сознании по поводу этих событий. Методика была достаточно

интересна, она тут связана была с методикой Анисимова. Я тогда, как бы, одновременно участвовал в семинаре Олега Сергеевича, а с другой стороны был достаточно, таким, ярким адептом концепции поэтапного формирования умственных действий и понятий Гальперина. Потому что считал, что все можно сформировать, и сформировать именно как способность. Так вот, критичность как способность к различению действительности и реальности, формируется за счет работы с текстами, ну или другими словами, за счет возможности или невозможности схематизировать. И здесь очень интересный момент, если человек может схематизировать свои представления, то есть, грубо говоря, овнешнить то, что у него во внутреннем плане сознания, и при этом очень понимает, что это не то, что на самом деле. Это и есть сформированная критичность, поэтому критичность как способность, безусловно, связана со способностью схематизации, разумности как выделения существенной части, либо высказывание, либо с ситуацией, и это очень связанные вещи. Ну, и конечно сознательность, у Гальперина это понималось, как способность проговорить то, что ты делаешь, ведь очень многие люди, делают многие вещи не сознательно потому что, не умеют проговаривать. И эта возможность в словах, в речи, выразить то, что ты делаешь, или то, что Гальперин называл сознательностью, является тоже третьей, очень важной составляющей вторичного свойства умственного действия, наряду с разумностью, критичностью и так далее. К сожалению, эти работы, по всей видимости, остановились, но это было очень существенно. Завершая этот топик, критичность как способность, это способность к различению действительности, то есть, то что я вижу, понимаю, осознаю и реальности, то, что происходит на свете, и, как сказал Александр Евгеньевич Левинтов, гораздо богаче, чем то, что мы представляем об этом. Всё.

Максим Осовский: Спасибо большое. Там еще у Лидии Дмитриевой реплика, и мы вернемся к Александру Евгеньевичу.

Лидия Дмитриева: Я давно руку поднимала, еще когда на слайде был Иммануил Кант. И хотела проговорить про два разных понимания критики, потому что критика как разбор, как аналитический разбор и разные представления с греческого искусства, разбирать, судить, все в эту сторону. А вторую, конечно, Кантовская критика, которая совершенно по-другому трактует критичность, и поэтому критика чистого разума, критика способности суждения, это уже не про аналитический разбор, а про границы.

И мне кажется, на сайте, где был Кант, там в трех позициях, в вопросах: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», там есть представление про границы, границы нашего познания, когда Кант вводит вещь себе, про то, что она есть, в этом плане, но надо успокоиться уже, и понимать, что смещает плоскость, все что касается познания. В сфере практического разума, когда он говорит про императив и про ограничения в том числе, там в способности осуждений, как раз очень интересное представление частного и общего, и целепологания, и прочих вещей. Здесь один вариант, разница в понимании критического, когда мы говорим, что ММК было критично по своей природе, мы говорим про то, что оно могло разобрать любую позицию по составным косточкам, либо, все же, это всегда был вопрос про границы, и тогда это вот в сторону Кантовского представления про то что ограничивает, то что ограничивает наш разум, то что ограничивает волю, то что ограничивает познание, то что ограничивает суждение, в этом смысле. Это разное, потому что, конечно, когда в общении с методологами видишь, как там хорошо прочищается за счет плюса содержания, за счет вопрошания. И другой ход, когда идет переход от натуралистичного, к какому-то такому, уже деятельностному или мыследеятельностному подходу. Поэтому, здесь вопрос. Когда мы говорим про СМД подход и Московский Методологический Кружок, все же, про какую критичность мы говорим? Но это в части различения разных представлений про критику. И здесь тогда, то, что Владимир Алейник говорил, каким образом она встроена целый верстак методологической работы? А второй у меня возник вопрос, про который я не задумывалась, но может быть, вы же взяли четыре работы, четыре вопроса Кантовских и четвертый антропологический, поэтому я понимаю, например, как с познанием, как оно ограничено, я понимаю, как воля может быть ограничена императивом, это все понятно. А вот в части антропологического фокуса, критика в каком варианте присутствует? Что есть критика, в вопросе про то, про человека? Но если это, вот просто вот то, что родилось сейчас, глядя на вашу презентацию, и я задумалась, вдруг вы уже размышляли про это, и можете как-то прокомментировать.

Александр Левинтов: Спасибо большое, Лидия. Я попробую вам ответить на оба вопроса, начну со второго, потому что на него ответить очень легко, этот вопрос для меня, по крайней мере, пока не имеет никакого решения, и поверьте, у меня за спиной лежит пятисотстраничная монография, под названием «Человечность», эта монография уже вышла, это

подготовительная работа, к работе семинара, по человечности в сфере образования. Для того, чтобы ответить на ваш второй вопрос, мне надо вот весь следующий год потратить, предстоящий, если я доживу, то и остатки моей жизни, я не могу, это вопрос, который для меня пока, не сомасштабен моим возможностям. Но мы туда идем, у нас целый семинар. Давайте, вы задайте нам это вопрос через год, может быть, что-то внятное вам ответим.

Лидия Дмитриева: Хорошо. Может быть, Ницше звать в помощь, как человек, есть мозг между зверем и сверхчеловеком.

Александр Левинтов: Нет, тут, по-моему, все гораздо сложнее, чем у Ницше. Ницше поэт, в этом смысле он, как говорил ГП, личность безответственная.

Лидия Дмитриева: Он тонко чувствующий поэт, антропологически то, он хорошую антропологию дает, пусть метафорически, про осла, льва и сверхчеловека.

Александр Левинтов: Вот, по поводу первого вопроса. Вы знаете, у меня такое подозрение, я боюсь, что сейчас обрушу на себя пару стен. У меня такое впечатление, что не занимаешься выделением сущего из бытия, и не занимаешься различением реальности и действительности, а мы просто находимся в игре, в игре мышлений. Я попробую объяснить, в чем дело, почему я так думаю. Во времена Галилея основным аргументом против того, что земля вращается вокруг своей оси, еще вокруг солнца, был такой довод, если бы это было так, то с гор бы падали камни, они конечно падают с гор, но если земля вращается вокруг солнца и вокруг своей оси, то они бы это делали, камни, только к ночи, а они падают все время. И они действительно падают все время, а не по вечерам, те, кто бывали в горах, подтвердят это. Но очень важно, что противники Галилея, просто отстаивали некоторую позицию, и для них важны были сами аргументы, а не то, что происходит в реальности. И мы сегодня живем в таком же мире, мы живем сейчас в мире, играющим своим мышлением, в общем-то, у кого есть совесть, понимают, что мы все равно ни черта не знаем, как устроен этот мир, и поэтому аргументы, обращенные к реальности, являются такими же аргументами, как у противников Галилея. Это моя, такая, шаткая позиция, но мне кажется, что мы просто играем друг с другом.

Максим Осовский: Ну хорошо, давайте дальше, у нас сейчас с вами важная задача вернуться к презентации, потому что мы показали, а у нас отключилась демонстрация.

Александр Левинтов: Мне очень важно сегодня, обычно как это и в традициях ММК - доходить до конца никогда не обязательно, но сегодня мне почему-то хочется дойти до конца, потому что я приготовил небольшой такой сюрприз для себя и для вас, и хочется до него дойти. Итак, CRITICAL THINKING и CREATIVE THINKING.

Жизнь в Америке поначалу – сплошные культурные шоки. Один из них – скорость чтения газет.

За одну-две чашечки поганого бочкового\ведерного кофе, то есть за 30-40 минут нормальный\средний американец прочитывает воскресную газету толщиной в 500-1000 страниц и при этом умудряется извлекать из такого чтения нечто важное и полезное для себя.

Как он это делает?

Он пользуется весьма технологичным решетом critical thinking:

Определение жанра текста: «после продолжительных ливневых дождей река Колорадо вышла из берегов в пределах штатов Юта и Аризона» – для любого американца эта фраза – первоапрельская шутка, так как данный ареал – пустыня, где дожди большая редкость, а главное – это Большой Каньон глубиной более 1700 метров, сюда хоть все ливни планеты слей, вода из берегов не выйдет.

Любая воскресная газета в Америке рубрицирована по жанрам: автоновости, городские новости, биржевые новости и т.п., каждая рубрика от 20 до 100 страниц – читатель просто выбрасывает ненужные ему разделы газеты себе под ноги.

Каждый американский текст начинается с main idea: она заключена в заголовке или первой фразе текста. Американец сканирует заголовки и отсеивает всё неинтересное ему, то есть 90-99% статей и сообщений. Отечественные журналисты прячут свою главную мысль в середину или

конец текста, а чаще всего вовсе не имеют никакой идеи и действуют по заданию либо из хулиганских побуждений.

За main idea следует support – доказательства в виде фактов, цифр, статистики, документов. Если читатель согласен с main idea, support можно не читать.

Затем следуют details – подробности, иные мнения, последствия и их прогнозы – это также читать не обязательно.

Завершается чтение коротким conclusion (заключением): decision (предложением) или solution (решением) – действием или призывом к действию, а иначе зачем писать и городить огород?

Американцы очень прагматично подошли к критике текста и освоили critical thinking до автоматизма – ещё в школе, в первых классах.

За 15 лет преподавания в школах, колледжах, университетах вплоть до магистратуры, я так и не смог НИ РАЗУ добиться хоть какого-нибудь результата\эффекта в наших аудиториях. В самом лучшем случае – полемика с автором текста и оценка текста. Даже жанр, простейшее, что есть в critical thinking, мы определять не можем, не умеем и не хотим. И не понимаем, на фига оно всё это нам надо.

Что же касается creative thinking, то у нас это – сплошное хулиганство, своеволие и разгул неудержимой фантазии.

Прагматичные американцы и этот процесс технологизировали.

Прежде всего, они рекомендуют ориентироваться не на конвергентное мышление (способное синтезировать и конструировать имеющиеся знания, представления и решения), а на дивергентное (способное породить).

Тут важны следующие различия:

ПРИМЕЧАНИЕ: У-Д – универсально духовное пространство

С-К – социокультурное пространство

В американских учебниках по креативному мышлению обычно выделяют следующие последовательные процедуры и операции:

- подготовка (в моём понимании это search, поиск)
- инкубация (решение проблемы отодвигается на второй или задний план, выступает в качестве фона)
- инсайт (в моих терминах ad hoc, случай, неожиданная догадка, ага-эффект)
- проверка (рефлексия поиска и инсайта, собственно research)

По этому поводу, для желающих, есть мой текст «Экономика научных озарений».

Максим Осовский: Ясно. Спасибо. Александр Евгеньевич, а как креативное мышление попало у нас в критику? Какая связь?

Александр Левинтов: Хороший вопрос. Это связано с тем, что critical thinking и creative thinking являются двумя ведущими технологиями, которые позволяют нам относиться практически к читаемым нами текстам. В текстах мы занимаемся критическим чтением и креативным, те, кто, а среди нас таких много, те кто имеет дело с научной литературой, те понимают, что просто читать научную литературу бесполезно и бессмысленно, если они не порождают инсайты. А, так вот, что это значит, читаем мы кого-то неизвестного нам и делаем для себя вот этот инсайт, ну что бы его сделать надо заниматься чудовищным поиском: на одну тему у меня обычно уходит 500 источников, из которых около 200 попадают в список литературы, а вот такая работа как «Региональная концепция развития Крыма», Игорь Злотников о ней хорошо знает, там около 5000 источников было. Критикой надо заниматься, опять я повторяю, для того, чтобы выуживать там нечто или просеивать нечто заслуживающее внимание. Critical thinking и creative thinking .происходят совместно.

Максим Осовский: Спасибо большое. Александр Евгеньевич, сейчас у нас такт таких, ну критических или наоборот благожелательных суждений по поводу услышанного и собственно каких-то мнений, что такое критика в ...

Александр Левинтов: Да, и у меня останется два очень важных для меня тезиса. Я надеюсь, что мы успеваем, успеем.

Максим Осовский: Да, а в конце мы вам дадим слово, значит вы сможете ...

Александр Левинтов: Нет, нет. Еще раз ...

Максим Осовский: Или вы сейчас хотите по своему выступлению завершить? Тогда, пожалуйста.

Александр Левинтов: Хорошо. Ок

Максим Осовский: Хорошо.

Александр Левинтов: Итак, критика в схеме мыследеятельности. Мне кажется, что критика возможна во всех трех слоях мыследеятельности: и в мышлении, и в мысль-коммуникации, и в мыследействии, а также в целостностной мыследеятельности, как просеивание, выделение шлаков, нетленки из общего потока.

По-моему, должна быть запрещена критика понимания. Это требование объясняется достаточно просто, критика понимания слишком идеодоллизирована, а потому любое понимание по-своему правильно, как, впрочем, и непонимание. Критика относительно мышления и мыследеятельности в целом нормо-функциональна. Это мыслительная процедура, она очень действительна уже тем, что мысль, не порождающая другую мысль, мыслью не является. Критика есть подтверждение того, что мы имеем дело с мыслью. Она является также лишь в том просеивании, и в этом смысле рефлексивна. Рефлексивна относительно цели и средств критика, а не критикуемого. Кроме того, она является демонстрацией понимания, то есть интерпретацией. ГП – мастер интерпретаций, и он меня на многих играх спасал тем, что на мое невнятное такое бляение он давал громкие, ясные интерпретации того, чего я несу, и я с удивлением понимал, что он прав, а главное, окружающие начинали понимать, что я говорю. Критика является мощным средством распредемчивания или проблематизации, поскольку среда производится из другой действительности, отличной от действительности критикуемого. В критике критикуемый видит не тень себя, а свое отражение, как правило из неожиданного для себя ракурса. И в этом смысле критика, хоть я ее очень боюсь, но она очень полезна. Возвращаясь к пункту, который мы уже обсуждали, оказывается, я его тоже обсуждал, в своем тексте. Схематизацию можем рассматривать как средство критики, весьма удобно, если эта схематизация признается критикуемым как адекватная. Это очень важно. И наконец, согласно Витгенштейну, критик – фигура равнозначная автору, поскольку автор пишет и рисует слова, звуки, образы и так далее, а

критик придает им смыслы, отличные от авторских. В этом-то и есть конструирование смыслов, когда появляется другая мысль, которая сопряжена с мыслью автора, образует с ней нечто общее, которое мы называем смыслом. И наконец мой последний тезис: «критика как жанр методологической работы». Мне приходится читать очень много эссе. Эссе для меня является средством, которое мобилизует людей для работы в том или ином семинаре, или продолжительном мероприятии, также в цикле игр и так далее, и так далее. Вот за последние 15 лет я спровоцировал несколько сотен людей на написание более полутора тысяч небольших эссе в качестве подготовки к сессиям, конкурсам и так далее, и так далее. Как правило цели этих эссе и их критика заключается в следующем: это интеллектуальная разминка, это освоение кортежа рекомендованной и самостоятельно найденной литературы, это овладение письменной речью от себя, что не предполагается в научных статьях, диссертациях и даже научных исследованиях. Там отсебятина запрещена. Значит, на каждое эссе я трачу порядка 40-60 минут, с тем чтобы: 1. отсеять откровенных дураков, лодырей, формалистов и убийц времени, а также прохиндеев; 2. надо выделить потенциальный авангард участников, носителей креативных идей, глубоких аналитиков и людей, способных к сложной и честной рефлексии - их требуется поощрять высокими оценками, а, главное проблематизирующими их комментариями, 3. надо сориентировать руководителей мероприятия на тематические ограничения, а также узлы проблематизации, как содержательные, так и организационные. По сути, просеивание массива критики позволяет выделить ненужный мусор, крепкий пелетон и предстоящих лидеров. Критика как жанр искусствоведения, литературоведения и прочего театроведения делает то же самое просеивание: - зарывает поглубже то, что потом превратится в навоз историй; - оставляет в качестве подраста то, что имеет склонность к развитию и совершенствованию; - выдвигает то что принимается за образец и норму. Моя работа с этими эссе вообще довольно тяжелая, объемная. Я уже сказал объемы работы, когда приходит, например, 500 эссе из томского университета с просьбой написать там от 3 до 5 страниц, а люди пишут по 40 страниц и все это надо прочитать, оценить, дать необходимые комментарии и задать вопросы, и все такое прочее, включиться в коммуникацию с человеком, и это занимает иногда много часов на одного человека. Поэтому я придумал новый способ критической работы с аудиторией и придумал некоторый тест, если у вас есть желание пройти этот тест, а он труднопроходимый, то пожалуйста

напишите мне по моему адресу alevintov44@gmail.com, я вышлю вам этот вопросник и потом с удовольствием прочитаю его и отkritикую. Мне очень важно набрать опыт подобного рода работы, а вам это доставит, я надеюсь, интеллектуальное удовольствие. Тест, над которым надо думать. На этом я закончил свое выступление, такой скороговоркой, с единственной целью послушать ваши критические замечания, вашу критику и я уже благодарен вам за то, что, кое-что стал понимать и на что-то теперь обращу пристальное внимание. Благодарю за внимание.

Максим Осовский: Спасибо большое. Игорь Злотников держит руку. Поднимайте руки, коллеги, и, ну, я все равно дам слово всем тем, у кого включены экраны сначала.

Игорь Злотников: Я хотел бы вот в этом месте, как, ну вот, удачно получается, чтобы немножко продолжить то, что говорит Александр Евгеньевич, для того, чтобы было понятно в чем технологичность того метода мастерской, который Александр Евгеньевич запустил, а я имел счастье при этом присутствовать и даже что-то мы там делали. В моем понимании самое сложное сейчас это найти те направления развития СМД методологии, которые бы были о человечины, то есть в которых можно было бы находить людей чувствительных к СМД методологии. Александру Евгеньевичу удалось на, ну как бы и начать, и запустить, и отработать вот этот жанр эссе, без которого бы вот та мастерская, которая в итоге у нас получилась уже там два или даже уже три раза. Есть способ развития людей и подготовка их действительно к СМД методологии как к практике собственного развития. И вот то, что Александр Евгеньевич обсуждает как критика, для меня сейчас является таким же важным дополнительным, техническим условиям развития СМД методологии, как в свое время для схемы мыследеятельности была рефлексия и понимание. Вот операционизировать или операциолизировать критику это по сути дела дополнить схему мыследеятельности совершенно необходимым, но новым ранее не бывшим способом работы, которая безусловно расширяют возможности и схемы мыследеятельности и все методологии. Когда люди начинают писать эссе, а потом еще и пишут свои собственные рефлексии после события, это есть очень существенная точка роста для развития СМД методологии, и я думаю, что вот если вы посмотрите те публикации, которые есть, а также вот эту коллективную монографию об этой мастерской

орг.деятельностных технологий в московском городском университете, то практически 15 процентов ...

Максим Осовский: Игорь, давай про критику, пожалуйста, а не рекламу мастерской, это, ну, понятно...

Игорь Злотников: 15 процентов текстов это и есть эссе, в которых критика, критика того, что люди сами понимают дает возможность для действительно креативности, и для меня это очень существенно, то есть критика действительно связана с креативностью, если критику делать по материалам собственного опыта и это как раз то, что не доставало в, ну, такой как бы классической схеме мыследеятельности, там была только рефлексия и понимание. Вот сил и усилиями Александра Евгеньевича в этой схеме появилась критика и креативность, и я как раз и хотел это отметить, что это и есть шаг в развитие схемы мыследеятельности, а для меня и в общем движении СМД методологии. Вот что я хотел бы отметить. Спасибо.

Максим Осовский: Хорошо. Спасибо большое. Слава Марача, потом Алексей Боровских, потом Никита Сафонов.

Слава Марача: Да, большое-большое спасибо за доклад Александру Евгеньевичу. Вот, как всегда, слушая его, получаешь много инсайтов, сегодня еще инсайт добавил Володя Алейник вовремя показав схему и Георгия Петровича, и мне кажется, что вот эта вот идея критики как переключателя между технологиями, между тремя технологиями мышление, схематизации, проблематизации и онтологической работой, вот она достаточно перспективна вот в контексте той парадигмальной работы по выстраиванию системы мыследеятельностных понятий, которую мы с вами взяли сделать. Ну вот как бы касательно презентации Александра Евгеньевича, мне как бы все очень понравилась, но показалась немножко однобоким в контексте того различения установок критикующего, о котором я говорил, то есть той установки на просеивание, которую по умолчанию видел, Александру Евгеньевичу я противопоставляю установку на проблематизацию. Ну, не в том смысле, что просили о нем заниматься не нужно, а нужно заниматься проблематизацией, а в том смысле, что в разных ситуациях мы понимаем одну из двух вот этих вот возможных установок, и в этом смысле мне кажется, что было бы даже интересно, если бы кто-то взялся сделать еще один доклад о критике с акцентом не на просеивание, а на проблематизацию.

Еще один момент касательно вот этого вот блока в котором Александр Евгеньевич, где он говорил об американском опыте, связанном с critical thinking и creative thinking. С critical thinking у меня вообще, как бы свои личные счета, поскольку я в Академии народного хозяйства три года преподавал курс логики, и студенты были очень счастливы и даже со 2 курса, они, там даже переходя на 4 курс, потом благодарили, говорили, как нам это было полезно. На третий год курс перевели на факультатив, а потом вообще, как бы вывели из расписания, объяснив мне, что вот его заменили на critical thinking, как раз посчитав как бы, что в прагматическом плане это вот как бы более полезно и продвинуто. Хотя на мой взгляд critical thinking в американском варианте, вот он как бы близко не дает той вот логической культуры, которая в общем-то необходима в современном мире, когда мы, вот здесь кстати очень интересный тезис, я так вроде интуитивно это понимал, но Александр Евгеньевич это произнес в артикулированном виде, что когда мы не знаем, как устроен мир, не можем как бы опираться на реальности возрастает цена оценки самих аргументов, и в этом смысле роль логической культуры по идее как бы должна возрастать, но вот в современном мире мы наблюдаем, что она падает, как бы в том числе из-за кризиса в системе образования. Вот, ну а что касается creative thinking, то мне кажется, что американцы просто незаконно присвоили слово creative. Я тут в чате уже Тане Ковалевой ответил по поводу ТРИЗ. ТРИЗ – он является не просто creative, это, ну вот то, что в англоязычной терминологии creative problems, то есть они системно ставят проблемы, доводят их до противоречия, а потом пытаются найти креативное решение, а то что называется creative thinking, оно как бы и никакое не системное, и проблем то собственно не ставит; как раз вот на мой взгляд критика как вот особый рефлексивный режим методологического мышления она безусловно должна все это делать, вот. Спасибо. Вот такой комментарий.

Максим Осовский: Спасибо большое. Алексей Боровских, потом Никита Сафонов.

Алексей Боровских: Ну, я попробую сформулировать, что у меня собралось исходя из композиций, с которых смотрел. Я увидел несколько проблем, которые связаны с появлением критики и как они вообще функционируют. Конечно, ситуация, когда что-то делаешь и у тебя не получается, эта ситуация проблемная, но, вот это как бы словно то, про что Слава говорил, и это вынуждает начать выяснять почему не получается, и по-видимому проблема

состоит в том, что мы не различаем что-то, что нужно различать и функцию просеивать, критики как просеивать, это как раз некий анализ того, что же мы не различаем. То есть, мы думали, что это одно и то же, а это разные вещи. То есть фактически она проблему отыскания нужного различения выполняет и соответственно она позволяет разделить то, что мы как-бы те представления мы верим, существенное-несущественное. Найти б второй слой проблем, который с этим связан, это проблема дурной бесконечности, потому что различение можно проводить до дурной бесконечности. Ну, как вот Максим сказал «а если мы не муху, а каждый шаг ее начнем различать». То есть вопрос о том, на какой, до какого предела надо производить различения, он на самом деле очень непростой. Там, у того же Максвелла есть сюжет, когда он обсуждает связь магнита с электричеством, и говорит, что конечно же может быть там и неточности квадрат, а можно двойку показать, это что-то такое, но с той точностью, с которой мы можем вообще что-то измерить, мы это не различаем, и поэтому надо просто измерить. Поэтому вот вопрос о пределах различения он тоже фактически он требует обращение какой-то критики и к задаче останова на той позиции, которая остается в каком-то смысле раз. И третий слой проблем, которые с этим связаны, что когда мы в какой-то момент останавливаемся, то оказывается, что разные системы представлений базируются на разных системах различений, о дальнейшем проблеме бессмысленно, ну, мы как-бы начинаем щипать волосы, а соотнести их измерения, и вот как это делал Максвелл вот это вот как бы третья функция, третья проблемная ситуация, когда нужна критика и когда надо вот обнажить конечные позиции и либо искать специально искусственные ситуации, которые позволяют новые различения создать, но создать технологии, создать как бы технические действия, а не воображение, либо заявить о просто наличии несовместимых каких-то позиций, которые в последствии может и как-то разрешиться. Ну, вот скажем так, вот то что я сумел извлечь из этого, как бы устного текста. Спасибо.

Максим Осовский: Никита Сафонов.

Никита Сафонов: Да, еще раз здравствуйте. Я собственно слушал данный доклад – дискуссию с позиции того человека, вот как Игорь Злотников определил того человека, который пытается подготовиться и понять, принять практику СМД методологии, вот, и поэтому там до примерно 15 минуты я пытался догадаться о том, а почему мы собственно говорим о критике на семинаре СМД и собственно где она здесь должна быть. При этом там

проводились хосты, различия, там связи с понятиями термина у того же Канта там, вот. Я вот все это время задавался вопросом, а что же из этого могу понять, когда не был введен там объект, предмет и процесс. И только потом мы уже подошли к историям ММК, и у меня сложилось впечатление, что мы уходим в глубь, не давая общего контекста. После этого, что мне помогло зацепиться наверное и вновь сфокусироваться на происходящем и по-другому понять, когда вот был приведён тезис о том, что читая текст, ну в данном случае как бы воспринимая устный текст, мы не должны фиксировать внимание на непонимание, и это включает рефлексивную и собственно там вот связь с критикой о том, что мы просеиваем на предмет непонимание, я собственно понял для себя, что у меня непонимания было много, и меня это каким-то образом, наверное, проблематизировало и воодушевило на дальнейшее прослушивание и поиск ответов в исполнении этого непонимания. Второе, что хотел сказать, почему-то отметил, что критика как жанр методологической работы должна была бы быть поставлена вперед в логике примера и технологии критического чтения газет. Честно говоря, вот сейчас уже вот связь здесь не простой, почему отметил, ну как бы вот, вот я и посчитал важным это зафиксировать и даже записал. Видимо там позже смогу к этому вернуться и доосмыслить как-то. И, соответственно вот третий момент для меня как бы, наверное, ключевыми стали те тезисы, которыми автор у нас заканчивал доклад, который там скороговорки у нас прошли, и, наверное, раскрыли места непонимания, по крайней мере ну для меня они, наверное, можно назвать, ну сказать, что стали теми самыми инсайтами, которые еще пока до конца не оформились и не сформулировались. Но, при этом доклад для меня прям уже так, только здесь получил какую-то законченность и, ну в принципе там логика более-менее выстроилась. И в завершение хотел, наверное, свое там суждение о рефлексивной такой дополнить вопросом, был момент про creative thinking и critical thinking, и пример соответственно с американскими газетами, вот вопрос в следующем: «рекомендует ли автор использовать ту модель структурирования информации при написании текстов, которые соответствуют именно вот описанной технологии и чтения, и структурирования материала в американских газетах при условии того, что аудитория, читающая этот текст, ну для кого мы это готовим, она все-таки наша российская и читать они ее будут, не будучи вооруженными этой технологией?». Спасибо.

Максим Осовский: Дальше Инна Камышева.

Инна Камышева: Спасибо. Я прям хотела после Славы встроиться, но видимо мою руку не услышали, там, поскольку это было бы такое шикарное логическое продолжение, для чего руку и поднимала. Я безумно благодарна сегодняшнему докладу и всем участникам. Особенная у меня такая чувствительность к затрагиваю темы чувственности и чувствительности онтологического подхода, которая мне лично очень близка, это из такого эмоционального отношения. Теперь, я слушала и из позиции набирающего, человека, набирающего контексты к общей теме понимания, чтобы это не значило, которая на мой взгляд сильно, больше и шире, чем понимание в СМД методологии. Кое-что у меня прояснилось просто после ответов, вот, и такое хотела бы дополнение, ну, не знаю, зарисовку по поводу, вот, как думают в американских университетах и в российских кстати, там не только в американских, да правильно, про газеты я в 2007 году специально была в Канаде с той целью, чтобы, ну работая уже в Москве в международной компании, там мне было критически важно понять, как люди через язык, как англосаксы мыслят и в том числе как, например, пишут эссе. И вот три месяца мне мой руководитель значит задавал дурацкие вопросы на все структуры, которые мне выдавали преподаватели, а я задавала один и тот же вопрос: «почему вы пишете вот эту структуру там идея и все такое прочее?» Через три месяца измученный преподаватель мне сказал однажды: «Инна, мы по-другому не умеем думать, то есть мы не умеем думать по-другому», - сказал он и бесполезно с американцами разговаривать вообще, если у тебя нету вот этой структуры. Теперь, находясь, пытаюсь удержать позицию нахождения там и собирания контекстов понятия, которые как бы большее, ну, по крайней мере я так сейчас вижу, чем вооружено понимание, чем понимание в СМД методологии, и относясь к вот, к проходу, что, а вот почему в российских вузах не так, я, у меня есть гипотеза, что мы, в том числе СМД методология много теряет, когда у нее отсутствует критика извне, как бы. Предположив, что российская традиция думания, ну верней как, определив, она другая, иная, на мой взгляд было бы полезно из получить критику извне, то есть из другой позиции, может быть не из, значит, позитивистской и т.д., философской линии, а из какой-то другой. Вот я считаю, что в этом было бы гиперважность такого продвижения как СМД методологии, поскольку очень мало критики, ну по крайней мере сейчас я вижу. Да? И в том числе разных традиций, которые находятся за пределами СМД методологии, например, опять-таки термина терминологии понимания, а мне бы это было важно, например, при написании статьи, и так далее про понимание в контексте,

скажем так, более обширный, чем контекст лежащий там позитивистской, значит, линии философии, ну в том числе СМД методологии. Спасибо большое всем.

Максим Осовский: Хорошо. Спасибо. Максим Отставнов.

Максим Отставнов: У меня несколько замечаний, уже рефлексивных.

Первое замечание словарное такое лексикографическое. Мне нравится, что в русском языке критика эстетическая и критика философская остались одним словом, и мне очень нравится, что докладчик держит их соотношение и единство, несмотря на те различия, которые мы можем проводить. Второе замечание, мне очень жаль просто по докладу, что про понимание в географии было сказано лишь вскользь. Мне очень интересная эта тема. В-третьих, я бы хотел заступиться, но не за Канта, как многие здесь подумают, а за Сантаяну, именно в смысле единства критики. Сантаяна не только позитивист, он философ прежде всего, в таком историческом смысле для него актуальной, вот это единство этики, логики, физики, эстетики, и я уверен, что вот в смысле процитированного высказывания для него актуально были все три критики кантовские или их тематика. Вообще его жизни разума, она это не позитивистская книжка вовсе, по установкам рекомендую всем ее и зачем читать его высказываем только в контексте критики чистого разума. Это важно для тематики человечности, совести, ответственности, для удержания не игровых режимов жизни и работы, что мне кажется актуально для докладчика, то есть не мне кажется он говорил. И для этого же важно ещё одно замечание, для меня оно самое важное здесь, - это тематику действия в связи с критикой, в моем замечании и в содержании, которое привнес Злотников в своем первом выступлении, хотя умственное действие по Гальперину не факт, что действия по понятию, да. Он говорил о том, что эта тематика оставлена и остановлена психологами, я считаю, что ее хорошо бы импортировать, заняться ею нам, я думаю, что нужно по этому поводу вспомнить схему квадрата, она строилась как раз для критики этой концепции, хотя важно не только для этого. Пятое замечание, я не вполне понял, чем важно то различие, которое Слава Марача настойчиво пытался внедрить, почему критика, почему критика ограниченная и критика тотальная это разные вещи, я не услышал этого. В-шестых, я бы напомнил в этой связи, я уже написал об этом в чате, есть апокрифический такой текст доклада Георгия Петровича Щедровицкого «о единстве культуры», по-моему, он про

критику, по крайней мере на треть. Значит, седьмое, тезис докладчика о критике в МД для меня сомнителен, по-моему, сказать, что критика везде, во всех поясах, это сказать, что критики в мыследеятельности нет. Я полагаю, что критику в том смысле, в котором ее обсуждал докладчик, следует помещать на переходе между мысль-коммуникацией и мышлением. Для меня это абсолютно не пустяк, поскольку это мне интересно и, если мы будем обсуждать собственно мыследеятельности, я бы это обсудил, если у нас будет такое заседание. Значит восьмое, я бы на полях отметил, что несколько человек, что докладчик, а потом несколько выступающих отметили вот этот вопрос о риторической традиции в американском образовании, мне кажется этот сюжет стоило бы обсудить подробнее, поскольку просто некоторым людям интересен и видимо актуален. Значит, ну и наконец девятое, мне очень нравится, что этот режим, в котором прошел сегодня семинар, просто для разнообразия я вспоминаю свой доклад, думаю, что, так так можно было, вот. Извините, я наверно не очень критичен в выступлении. Я здесь закончу.

Максим Осовский: Спасибо. Виталий Говоров, потом Владимир Алейник, потом Гита.

Виталий Говоров: Всем добрый день. Я попробую выступить с критикой, если уж на то пошло. Знаете, у меня все время возникает ощущение, возникало в процессе этого доклада, ощущения что термин критика все время скатывается в какую-то лингвистическую сторону, в лингвистику, то есть мы обсуждаем с лингвистической точки зрения вот эти понятия. В мое время, когда я пытался читать Канта, я вычленил из его текстов одну мысль, ради которой в общем то простил и потерпел все его остальные тяжелые для меня разглагольствования. Он указал на то, что мы видим, наблюдаем не сам объект, а его отражение в, ну как бы в нашем представлении, в нашем мышлении. Глубина этой мысли для меня огромна. Я сейчас попробую вот от этой мысли перейти к критике, ну немножко это времени займет, простите. Меня всегда интересовала, почему, когда мы смотримся в зеркало, у нас лево и право меняются местами, а верх и низ нет? Мы видим себя в зеркале или свое отражение? Свойства этого отражения - они же другие? Ну сердце, например, с правой стороны находится, а не слева и как у нас. То есть, для того, чтобы отнести вот это отражение к себе, мы вынуждены решать обратную задачу, соотнести это отражение с собой. В ряде случаев это отражение, эта задача, ну решается с нами автоматически. В ряде случаев, я бы хотел сейчас показать одну картинку, вот и на ее отражение как бы, на ней

проиллюстрировать, что имеется в виду. Вот смотрите - это пример двумерной картины. Вопрос: сколько голов у носорога? Две или одна? То есть мы конечно понимаем, что ...

Владимир Алейник: Мы не видим вашу картинку.

Максим Осовский: Виталий, не показал картинку.

Виталий Говоров: Странно, я вроде воткнул демонстрацию экрана, а вот, она вот так вот была. Вот так. Видно, да?

Максим Осовский: Да.

Виталий Говоров: Сейчас видно?

Максим Осовский: Да.

Виталий Говоров: Вот, соответственно вот у этой картинке, сколько голов у носорога? Две или одна? То есть, мы, конечно, понимаем, что это фотограф просто выбрал такую, такой ракурс, что кажется, что голов две, но, как мы воспринимаем ситуацию, ну как мы воспринимаем объект, про который мы не знаем, который для нас не столь явен, или вообще не известен. То есть воспринимая отображения мы пытаемся реконструировать объект, представление, создать представление об объекте и вариантов решения вот этой обратной задачи может быть бесконечное множество, более того, с математической точки зрения их чаще всего оказывается бесконечное множество, то есть огромное количество реальных или не реальных объектов могут иметь вот такое отражение в нашем мышлении, в нашем представлении. Для того чтобы выбрать плюс-минус реальные представления об объекте, мы используем критику, мы критикуем реконструкцию реального объекта, возможные реконструкции. Я утверждаю, что Кант говорил об этом. По времени вот этой вот методики в европейском мышлении появились, ну, тогда же, когда об этом сказал Кант. Также я утверждаю, что об этом же говорили и в ММК. Собственно Георгий Петрович именно эту мысль и пытался реконструировать. На мой взгляд, вот эта функция критики, то есть это то, что, грубо говоря то, о чем говорил Кант *critical*, *critics* или не знаю, как он это делал, по-немецки говорил, но это вот то, что мы русские переводим как критику, и это в общем то основная и вполне достаточная для существования в мышлении функция критики. И, наверное, на этом я бы свою критику к докладу закончил, сказал, что мне, ну не очень понятно,

зачем какие-то дополнительные функции в плане поиска и просеивания вводить для такого, в общем то важного метода как критика. Спасибо.

Максим Осовский: Спасибо большое. Владимир Алейник, потом Гита.

Владимир Алейник: Собственно, я не знал, что мне сказать, но потом Максим Отставнов мне помог. Значит, я хочу не согласиться с ним. Максим, не нужно искать место для критики между слоем, на границе слоя коммуникации и слоя мыследействия, это логическая ошибка. У вас есть как бы алфавит мыследеятельности процессов, но попробуйте определить на схеме мыследеятельности место для конструирования или исследования, и вы увидите, что вам придется рисовать, использовать схему как такую, как фон, на котором вы будете изображать какое-то облако, которое будет в разных слоях, ну там, понимаете, мне кажется, что с критикой то же самое. Не нужно представление другого, из другого слоя, ну давайте так, вот если в логике схемы знания, то это содержание другого слоя замещения, не нужно его впихивать в схему мыследеятельности. Это первый момент. Второй момент, что в силу каких-то обстоятельств, у меня есть представление, ну и вот если взять типологию Георгия Петровича разных типов мышления, вот он, у него есть две типологии, но в одной из них он различал, он говорил о конструктивном мышлении и различал типы конструктивного мышления: конструирование, проектирование, исследование и так далее. Вот в одной из этих типологий у него была онтологическая работа и критика, и должен признаться, что никакого содержания на месте критики у меня не лежало, то сейчас, вот благодаря Александру Евгеньевичу, я для себя, ну я занят схематизацией и смысла услышанного и один, как бы одно облако смысла оно связано со следующим: если, ну скажем на игре, в контексте игры шел рефлексивный сит.анализ и люди находящиеся в разных практических и предметных позициях, они говорили или пытались схематизировать свое видение ситуации, то мы имеем такую кучу представлений, якобы об одном и том же разных, и вот здесь, как я понял Александра Евгеньевича и возникает место для критики, когда нужно, а и собственно у тебя тоже есть представление о ситуации, и оно в этом плане, это положено со всеми остальными, оно не лучше или не хуже, если у тебя есть какая-то профессиональная позиция, то чем ты лучше других профессионалов или специалистов? Собственно, ничем. А, с другой стороны, АлександрЕвгеньевич обозначил рамку рефлексии и анализа ситуации, когда вот из этого месива, как бы разных представлений, якобы об одном и том же

нужно построить представление о ситуации как, ну как общей, что достаточно небанально, а, и здесь нужно отнестись, выработать отношение к разным представлениям, к разным попыткам схематизации и представлениям о ситуации. Вот это и есть функция критики, потому что пока они не от критикованы эти представления, то к схематизации и ситуации как общего объекта, вот, прийти невозможно. И, вот я для себя обозначил одно направление для размышлений. Если я не точен, вы скажите пожалуйста. А второе направление размышлений - оно связано со следующим, оно связано с организованным пониманием. Ну вот пример как американцы читают и понимают газету. Это организованное понимание. Они что-то вообще не понимают, просто выбрасывают, не считают нужным понимать, например, биржевые сводки и сообщения о продаже автомобилей, это не надо понимать, а другое надо понимать, и там есть определенная технологема, не технология, которой нужно учиться много лет, а просто вот можно быстро освоить эту технологему и дальше понимать организованно. Вот, это вторая линия для размышления. Ну, а третья линия размышления - это критика как такое страже демон, который стоит на границе между восприятиями и результатами восприятия, между отражением и между тем, что из этого пускается как бы на доску. Что из того что мы воспринимаем считается достойным для, ну чему предается статус существующего, но вот здесь надо мне думать, потому что я не всех тонкостей мысли не понимаю, потому что Александр Евгеньевич помещают это в рамку рефлексии, то есть это рефлексующее, а, как бы кладет ... то есть он же рефлектирует свое действие или свое размышление, иначе почему это рефлексия. То есть рефлексия она направлена на себя, на свою позицию, а с другой стороны он рефлектирует восприятие, то есть это две разные интеллектуальные, ну фактически получить, равно получается склейка двух интеллектуальных функций. Как бы восприятие и рефлексия, то есть склеивается содержание восприятия и содержание рефлексии в одном пространстве. И, вот критика как фильтр на содержание восприятия. Что из этого признается существующим, а что, почему не предается статус существующего. Ну, вот я, наверное, так не точно, где-то грубо, но обозначил для себя направления, в которых я теперь буду думать, вот, над критикой. Спасибо.

Максим Осовский: Так неслышно снова. Нет. Сейчас я прочитаю, кого бы мы хотели ещё услышать. Антон Воропаев, если есть возможность, Владимир Козарь, Лидия Дмитриева, Сергей Колесников, Степан Галушкин, Татьяна

Ковалева, Татьяна Якубовская. Если есть у кого-то возможность - подключайтесь. Антон? Да, Лидия Дмитриева.

Лидия Дмитриева: Ну, может быть коротко, в завершение. Большое спасибо Александру за доклад, про критику. На мой взгляд он работает в слове в коммуникативном, а не в целом, ну вот сегодня фрагмент, который был представлен, он, конечно, касается по большей степени критики или что-то в коммуникативном поле, в поле коммуникации связано с процессами пониманий, рефлексии и прочего. И это мне кажется важно удерживать, а про то, что из критика в пространстве системной мышледеятельности. Почему как к коллективной позиции? Это само по себе любопытно, поэтому, ну вот мне кажется вот эту фиксацию важно удержать, понимая про то, что вот статус сегодняшнего сообщения он вот в этом пространстве находится. Все, наверное, на сегодня.

Максим Осовский: Спасибо. Антон.

Антон Воропаев: Коллеги, добрый день. Спасибо большое за доклад. Отдельное спасибо за инструкцию про то, как читать газету. Но мне кажется именно эта притча или байка и сформировала у меня какое-то может быть ожидание или требование к тому, что в конечном итоге можно хотеть от терминологической статьи в логике, вот в фарватере того действия, которые сейчас делает Петр Щедровицкий под названием «технологизация мышления». В своем последнем интервью он хорошо говорит про схемы, да, когда схема экономит сотни часов поиска смысла по разным разрозненным источникам и в этом смысле мне кажется есть два таких хороших ориентира, куда можно целиться со статьей про критику. Первое - это создание популярного метода критики, который по своим возможностям он шире и мощнее, чем предложенный *critical thinking*, и вот в том режиме, в котором его сегодня нам докладчик рассказал, вот, и в этом смысле такой, ну простите за корявый нейминг, но русский *critical thinking*, и в этом смысле что-то мощнее, чем вот то, что мы видели на примере американской газеты, а с другой стороны схематизация критики. То есть мне кажется очень верное замечание прозвучало два раза, что в общем сложность использовать схему мышледеятельности для описания критики, особенно не очень, вот особенно людям, которые только начинают осваивать методологию, а мы все-таки находимся в рамках работы по созданию глоссария, а значит наша задача работать на популяризацию и на создание той самой общей платформы для

дальнейшего совместного действия. Поэтому вот эти два ориентира мне кажется были сегодня в текстах, помеченные и я их, я конечно не критически отношусь к сказанному, вот, а может быть и критически в том смысле, что пытаюсь увязать сказанное с происходящим. Да, ну вот целиться в схему критики два и в какой-то технологию критики, которая более мощная, чем *critical thinking*, но в то же время быстро осваиваемая и быстро погружаемая, мне кажется вот это два очень важных смысла, которые сегодня прозвучали. Спасибо коллеги.

Максим Осовский: Спасибо Антон. Александр Евгеньевич, может, наверное, подвести какой-то итог? Вам надо будет включить звук.

Александр Левинтов: У меня три тезиса. Первый тезис – это краткие реплики на выступление уважаемых коллег, максимально сжатые, при этом в качестве эпиграфа, я раза три или четыре про себя прокричал «но я не о том!», цитируя Канта. Итак, первое, что мне очень важно сказать - это ответ Никите. Критическое чтение, не важно в какой оно технологии, оно необходимо нам для того, чтобы уметь работать, продуктивно работать с большими массивами информации. Я еще раз говорю, я читаю книги как правило в письменном виде, но при этом я успеваю за день прочитать около 30 книг, по той простой причине, что вот этот отсеб критический: это дрянь, эта дрянь, а вот это надо все переписать, это технологизируемое и это очень полезно в научный или любой другой интеллектуальной работе. Следующее. Ответ Инне. Как трудно заставить нас заниматься *critical thinking* в американском варианте, так также трудно заставить американцев что-либо описать. Описать себя, описать своего друга, маму, свою комнату, квартиру, дом. Они этого не могут сделать, как мы не можем сделать их вот этот *critical thinking*. Дело в том, что, по-моему, вся проблема заключается в том, что у нас онтологическое, образное мышление, а у них оно глагольное, действенное, акторное, и эти ментальные различия делают нас такими взаимонепонимающими. Третье - это ответ Виталию. Очень хороший рассказ про носорога, но вы знаете и из последующего рассуждения: у астрономов есть такое понятие «пошлое явление», это явление, которое пришло неизвестно откуда и ушло неизвестно куда. Если честно, то мы живем в пошлом мире и почти все к нам приходящее неизвестно откуда пришло и главное неизвестно куда уходит. Если мы находим этому, этой пошлости какое-то применение, то мы хлопаем сами себе в ладоши и называем это: «о, это и есть критика». Коллеге Отставному - очень интересная проблема, понимание в географии, оно

действительно там имеет место, но оно настолько причудливо. Дело в том, что все географы – морфологи, живут в материале. Материал пониманию не подлежит, но понимание у географов есть, я об этом попробую подумать. Это первый мой тезис.

Второй тезис. Спасибо аудитории за то, что они расширили для меня, ну и для всех нас, список обсуждающих в методологии критику, сюда добавились Гальперин, Марача, Анисимов, собственно Георгий Петрович и таким образом у нас появляется некоторая вполне, вполне даже приличная, вполне приличный круг обсуждантов.

И, наконец, последний тезис – для меня всякое действие, типа вот этого, является поводом для появления некоторого шлейфа размышлений, который тянется иногда годами, по крайней мере на сегодняшний час я наметил для себя несколько тем для внутреннего обсуждения и его осмысления – это: критика и креативность, критика и проблематизация, критика и развитие, критика и рефлексия, критика и понимание. Я дал себе слово, а теперь даю это и вам, я постараюсь ответить на эти пять вопросов, считаю их очень важными, а главное, очень интересными. Еще раз благодарю всех за внимание. Приятная компания. Я с удовольствием в ней буду участвовать в дальнейшем.

Максим Осовский: Друзья, спасибо большое. Даже не знаю, как мы должны еще поблагодарить Александра Евгеньевича ...

Александр Левинтов: Меня то за что? Да, я жду ваших писем, чтоб я разослал вам, послал вам анкету. Тест, это не анкета, это тест. Мне это очень важно.

Вы меня очень-очень выручите.

Лидия Дмитриева: Хорошо. Сейчас пришлем. Спасибо вам большое.

Максим Осовский: Друзья, до встречи через неделю, во вторник в 12 часов. До свидания.

Лидия Дмитриева: А через год ждем ваших результатов про антропологическое и критику.

Александр Левинтов: Ок, спасибо. Всех благ.

Инна Камышева: Всем спасибо. До свидания.

Александр Левинтов: Спасибо вам.

Алексей Боровских: Спасибо.

Максим Отставнов: Спасибо. Спасибо всем.